

Ф. И. Кулешов. Лекции по истории русской литературы конца XIX — начала XX в. — Минск: Изд-во БГУ, 1980, — 382 с.

Лекции профессора Ф. И. Кулешова являются итогом его многолетней научно-исследовательской работы, значительно обогащают наши представления о литературе дооктябрьской эпохи и восполняют некоторые пробелы в ее изучении.

Книга, за исключением обзора пролетарской литературы, состоит из монографических глав, построенных по хронологическому принципу. Они очень содержательны, конкретны, написаны с присущей всем работам Ф. И. Кулешова научной добросовестностью и обстоятельностью, отличаются аргументированностью выводов, мастерством идейно-эстетического анализа. Автор приводит новые факты, заново прочитывает известные произведения, пересматривает сложившиеся представления. Особенно хочется подчеркнуть новаторский характер лекций о С. Сергееве-Ценском и Л. Андрееве.

Творческий путь каждого писателя Ф. И. Кулешов прослеживает в динамике, эволюции, как процесс становления и развития индивидуальности, обусловленный особенностями эпохи и времени. Отсюда возникает необходимость в рассмотрении вопросов мировоззрения, метода, стиля, традиций и новаторства.

С правильных марксистско-ленинских методологических позиций исследователь проводит разграничение между реализмом и нереалистическими методами в литературе и в то же время выявляет различные формы их сочетания в творчестве Блока, Брюсова, Андреева, Толстого, Сергеева-Ценского, Маяковского. Дialectичность мышления позволяет ему признать не только отрицательное, но и позитивное влияние писателей-модернистов на раннего А. Толстого. Совершенно правилен вывод о том, что «на ранней стадии поэтического творчества и литературно-критической деятельности Маяковского нельзя ни отделить от футу-

ризма, ни противопоставлять его футуризму как модернистскому течению. В продолжение двух лет (1912—1914) Маяковский был тесно и совершенно добровольно связан с футуристами творчески, организационно и своими литературно-эстетическими взглядами» (с. 336).

Ф. И. Кулешов разграничивает понятия «декадентство» и «символизм». «Декадентство и символизм, — пишет он, — не обязательно выступают в их единстве, упадочные настроения могут быть воплощены и выражены средствами реалистического письма, а стихи символистов вовсе не непременно являются декадентскими» (с. 252). С его точки зрения Блок, считавшийся одним из вождей русского символизма, не был декадентом, хотя и испытал влияние декадентства. В главе о Блоке благодаря сопоставлению реальных событий и фактов из жизни поэта с их субъективной трансформацией в «Стихах о Прекрасной Даме» очень убедительно раскрыта сущность символистской поэтики. Из конкретного анализа вытекает вывод автора о художественном методе Блока после революции 1905 года: «Блоковская поэзия не стала реалистической. Она сохранила определяющие черты романтического метода, развивалась в границах поэтики и эстетики символизма. Блок оставался романтиком-символистом. Но его творчество наполнилось содержанием, мотивами и образами, взятыми из реальной жизни» (с. 335).

Самая большая глава в книге посвящена Л. Андрееву. Это обусловлено необычайной сложностью его творчества. Ключ к пониманию «кричащих противоречий» писателя Ф. И. Кулешов ищет в обстоятельствах его жизни, индивидуальных свойствах личности и особенностях исторической эпохи. Очень хорошо показана трагическая раздвоенность личности писателя, сильно проявлявшаяся в его творчестве. Л. Андреева долгое время считали декадентом, проповедником социального пессимизма и даже ренегатом. Используя новые материалы, Ф. И. Кулешов смело разрушает старые со-

диалогічныя схемы, вніматэліва перасматрывае традыцыйныя адносторонніе ацэнкі рэды прадзвядзеній Андрэева («Стена», «Бездна», «Мысль», «Так было», «Тыма», «Царь-голод»). Но, с другой стороны, он умалчвае аб аб'ектыўна-рэакцыйным сэнсе некаторых прадзвядзеній пісатэля ў канкрэтна-історыічных умовах яго врэмені, сглажывае астроту прынцыпальнай борыбы, котую велі Горькый (между прочим, он приводит только позитивные высказывания Горького об Андрееве), марксистская критика начала века (А. Луначарский, В. Воровский). Здесь, как нам кажется, исследователь отступает от собственного всей его книге принципа сочетания современной и исторической точек зрения. «Жанр» лекции в отличие от учебника допускает свободу в обороте, в определении объема и расположении программного материала. И хотя в таких случаях рецензенту дозволяется говорить только о том, что есть в книге, хочется все же отметить, что для ее завершенности не хватает обзора модернистских течений в русской поэзии конца XIX — начала XX века и заключения.

Издredка в лекциях встречаются неточности, неудачные выражения. Сошлюсь лишь на один пример: «План показался Керженцеву легко осуществимым. Ведь кое-кто из его родителей страдал запоем, другие (?) были предрасположены к психическим заболеваниям» (с. 107). Но все это мелочи в сравнении с огромной работой, продланной Ф. И. Кулешовым по созданию курса лекций — ценного и полезного пособия для студентов и преподавателей литературы.

А. Г. Жакoв

Тураўскі слоўнік, вып. 1. / Пад рэд. А. А. Крывіцкага.— Мінск: Навука і тэхніка, 1982.— 252 с.

Палесскія гаворкі, як прызнана ўжо даўно, захоўваюць у сабе многа каштоўных фактаў, неабодных для высвятлення гісторыі не толькі беларускай, але і іншых славянскіх моў. Вось чаму цікавасць лінгвістаў да гэтых гаворак з кожным годам павялічваецца. У выніку шматлікіх дыялекталогічных экспедыцый апошняга часу ў розныя раёны беларускага Палесся ўжо сабраны вялікі матэрыял па лексічных, фанстычных і граматычных асаблівасцях. На парадку дня стаіць задача яго апрацоўкі, сістэматызацыі і абагульнення. У гэтым кірунку праводзіцца пэўная работа. Асабліва сур'езным навуковым заданнем трэба лічыць укладанне рэгіянальных палескіх слоўнікаў. З іх «Тураўскі слоўнік», над якім працуе ініцыятыўная група сектара дыялекталогіі Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа Акадэміі навук БССР, будзе найбольш важным у многіх адносінах. Важнасць яго вызначаецца перш за ўсё тым месцам, якое займае тураўская гаворка сярод іншых беларускіх палескіх гаворак.

«Тураўскі слоўнік», па задуме ўкладальнікаў, уключае ўсю традыцыйную лексіку гэтай гаворкі як цэласную сістэму, што вельмі каштоўна з лінгвістычнага пункту гледжання.

Першы выпуск «Тураўскага слоўніка» (плануецца пяць выпускаў), падрыхтаваны А. А. Крывіцкім, Г. А. Цыхунічым і І. Я. Яшкіным, змяшчае 3275 слоў на літары А — Г. Гэта словы ўсіх часцін мовы. Укладальнікамі выяўлены і пададзены нават такія, якія выступаюць толькі ў складзе фразеалагічных спалучэнняў: *бут (буту нема* — пра бесперапынную дакуку), *вінды (вінды отпроўцяць* — гэрэзнічаць, насіцца), *волошны (волошная межа* — мяжа паміж асобнымі гаспадаркамі ў мінулым) і іншы.

Кожнаму слову прысвечаны асобны артыкул. Артыкулы ўключаюць граматычныя і стылістычныя паметы, тлумачыліце значэнняў і ілюстрацыйныя прыклады. З граматычных памет прынята ўказанне на часціну мовы, род назоўнікаў, трыванне дзеясловаў і некаторыя іншыя, са стылістычных — указанне на эмацыянальна-экспрэсіўную афарбоўку слова і сферы яго ужывання. Значэнні слоў — пераносныя — выяўлены надзвычай тонка і дакладна. Яны раскрыты пры дапамозе літаратурных адпаведнікаў або анісальна, калі ў беларускай літаратурнай мове адпаведніка няма.

Кожнае са значэнняў ілюструецца адным або некалькімі прыкладамі звязнага тэксту з указаннем населенага пункта, дзе яны зафіксаваны. Гэтыя прыклады падабраны вельмі ўдала: прыводзіцца многа прыказак, прымавак, загадак і фразеалагічных спалучэнняў. Не ілюструюцца толькі некаторыя тэрміны, наменклатурныя назвы і словы з вузкай сферай ужывання на той падставе, што ілюстрацыі толькі б дубліравалі тлумачыліце іх лексічных значэнняў.

Фанетычныя і акцэнталагічныя варыянты слоў (*андык* і *ендык*, *балабушка*, *балабошка*, *булабушка* і *болобешка*, *вэрба* і *верба*) падаюцца ў адным слоўніковым артыкуле з найбольш характэрным і часта ўжывальным варыянтам на першых месцах, а граматычныя і словаўтваральныя варыянты (*бурлак* і *бурлака*, *воркотня* і *воркуценя*, *гіч*, *гічанье*, *гічовінье* і *гічье*) афармляюцца самастойнымі артыкуламі. Праўда, гэты прыцып вытрыманы не зусім паслядоўна.

Да некаторых слоў даюцца кароткія заўвагі аб мясцовых звычаях і павер'ях, звязаных з абазначаным словам прадметам ці паняццем (гл. словы *баба*, *болець*, *весна*, *водопоцье*).

Слоўніковым артыкулам папярэднячае змястоўная прадмова А. А. Крывіцкага, у якой прыведзены геаграфічныя, гістарычныя і этнаграфічныя звесткі аб Тураўшчыне, ахарактарызаваны галоўныя асаблівасці яе гаворкі, расказана аб часе і метадах збірання матэрыялаў для слоўніка і абгрунтаваны лексікаграфічныя прыцыпы, паводле якіх ён укладаўся. Пасля прадмовы дадзены спіс населеных пунктаў, у якіх праводзілася збіранне лексічных матэрыялаў, пералік дыялекталогічных экспедыцый у гэтыя